

Лице жъ бы потяту быти,
неже полонену бытии.

«Слово о полку Игореве»

Лучше быть убиту от мечей, чем от рук поганых полонену.

Поэтическое переложение Н. Заболоцкого

Немец был ростом вровень с Сергеем. Его колючие пороссячи глаза проворно обежали высокую статную фигуру советского военнопленного и задержались на звезде ремня.

— Офицер? Актив офицер? — удивлённо уставился он в переносицу Сергея.

— Лейтенант...

— Зо? Их аух лейтнант! {Вот как? Я тоже лейтенант! (нем.)}

— Ну и чёрт с тобой! — обозлился Сергей.

— Вас?

— Што ви хофорийт? — помог переводчик.

— Говорю, пусть есть дадут... за три дня некогда было разу пожрать...

...Клинский стекольный завод был разрушен полностью. Следы недавнего взрыва, как бы кровотока, тихо струили чад угасшего пожара. В порванных балках этажных перекрытий чётко застревало гулкое эхо шагов идущих в ногу немцев. Один из них нёс автомат в руках. У другого он просто болтался на животе.

— Хальт! — простуженным голосом прохрипел немец.

Сергей остановился у большого разбитого окна, выходящего в город. В окно он видел, как на площади, у памятника Ленину, прыгали

немецкие солдаты, пытаясь согреться. На протянутой руке Ильича раскачивалось большое ведро со стекаемой из него какой-то жидкостью.

Конвоирам Сергея никак не удавалось прикурить. Сквозняк моментально срывал пучочек жёлтого пламени с зажигалки, скрюченные от ноябрьского мороза пальцы отказывались служить.

— Комт, менш! {Идём, человек!}

Пройдя ещё несколько разрушенных цехов, Сергей очутился перед мрачным спуском в котельную.

«Вот они где хотят меня...» — подумал он и, вобрав голову в плечи начал спускаться по лестнице, зачем-то мысленно считая ступеньки.

Обозлёнными осенними мухами кружились в голове мысли. Одна другой не давали засиживаться, толкались, смешивались, исчезали и моментально роились вновь.

«Я буду лежать мёртвый, а они прикурят... А где политрук Гриша?.. Целых шесть годов не видел мать!.. Это одиннадцатая? Нет, тринадцатая... если переступлю — жив...»

— Нах линкс! {Налево!}

Сергей завернул за выступ огромной печи. Откуда-то из глубины крошечной тьмы слышались голоса, стоны, ругань.

«Наши?» — удивился Сергей. И сейчас же поймал себя на мысли, что он обрадован, как мальчишка, не тем, что услышал родную речь, а потому, что уже знал: остался жив, что сегодня его не застрелят эти два немца...

Привыкнув, глаза различили груды тел на цементном полу. Места было много, но холод жал людей в кучу, и каждый стремился залезть в середину. Только тяжелораненые поодиночке лежали в разных местах котельной, бесформенными бугорками высясь в полутьме.

— Гра-аждане-е-е! Ми-илаи-и... не дайте-е помере-е-еть!.. О-ой, о-о-ох, а-а-ай! — тягуче жаловался кто-то голосом, полным смертельной тоски.

— Това-ариши-и! О-ох, дороги-ия-а... один глоточек воды-и... хоть ка-апельку-у... роди-и-имаи-и!

— Прими, говорят тебе, ноги, сволочь, ну!

— Эй, кому сухарь за закурку?..

—...и до одного посёк, значит... вот вдвоём мы только и того... без рук... попали к «ему»...

— Кто взял тут палатку?

— В кровь исуса мать!..

— Земляк, оставь разок потянуть, а?

Разнородные звуки рождались и безответно умирали под мрачными сводами подвала, наполняя сырой вонючий воздух нестройным неумолчным гамом.

Сергей, постояв ещё минуту, медленно направился к грудке угля и, аккуратно подстелив полу шинели, сел на большой кусок антрацита. Волнение первых минут как-то незаметно улеглось. На смену явилось широкое и тупое чувство равнодушия ко всему да голодное посасывание под ложечкой. В кармане галифе Сергей нашупал крошки махорки и, осторожно стряхнув его содержимое в руку, завернул толстую неуклюжую сигарку.

«Ну-с, товарищ Костров, давайте приобщаться к новой жизни!» — с грустной иронией подумал он, глубоко затягиваясь терпким дымом. Но сосредоточиться не удавалось. Разрозненные, одинокие осколки мыслей скользили в памяти и, легко совершив круг, задерживались, преграждаемые одной и неотвязной мыслью: почему он, Сергей, бравировавший на фронте своей невозмутимостью под минами немцев, никогда не думавший о возможности смерти, сегодня вдруг так остро испугался за свою жизнь? Да ещё в каком состоянии! Пленный... когда желанным исходом всего, казалось бы, должна явиться смерть... Не всё ли равно, какая смерть каким руслом она ворвётся в душу, мозг, сердце... Смерть есть смерть!

«Значит, просто струсил?!»

В памяти отчётливо встал недавний фронтовой случай. Рота Сергея занимала богатую деревню недалеко от Клина. Знали, что впереди, в небольшом леске, засели немецкие автоматчики, готовя наступление. Им организовывали встречу. Подходы к деревне были густо заминированы, десять дзэсовских пулемётов притаились на небольшой поляне, вероятном месте атаки. Ждали.

Каждый день немцы обстреливали деревню. С душераздирающим воем мины тупо рыли улицу и огороды колхозников, наводя ужас на стариков и женщин.

Однажды солнечным октябрьским утром Сергей и политрук Саша Жариков возвращались из штаба батальона.

— Без трёх минут девять, — взглянул на часы политрук, — фрицы и францы допивают кофе. В девять ноль-ноль начнётся минопускание по нашей вотчине...

Почти в ту же минуту тишина утра нарушилась диким воем мин.

«И-и-ию-ю-юую-ю... Гах-х! Гах-х! И-ию-юу-ую-ю...»

— Пожалуй, укроемся, лейтенант?

Перепрыгнув плетень, зашли в небольшой сад. Под развесистой грушей, в давно заброшенном погребе, сидел ротный писарь и составлял строевую записку. Одна за другой две мины залетели в сад.

— Бац, телеграммы! — воскликнул писарь, наклоняясь к полу погреба.

То же самое как-то невольно проделали Сергей и политрук.

— Грешно, комиссар, кланяться каждой немецкой мине, — пошутил Сергей.

Поднявшись, они отошли несколько шагов от ямы, договорившись: по очереди одному падать, а другому стоять при разрывах мин.

— Потренируем нервишки, а?

«Пи-и-ию-юую!» — вдруг слишком близко завыло в воздухе.

Политрук медленно присел на колени. Сергей, зажмурив глаза, остался стоять. Сухой обвальный взрыв огромными ладонями ударил в уши. Что-то с силой рвануло за полы плаща Сергея, крошки недавно замёрзшей земли больно брызнули ему в лицо. Открыв глаза, Сергей увидел плавающие в воздухе белые листки тетради. Кольхаясь и описывая спирали, они медленно садились на седую от изморози траву, как садятся измученные полётом голуби. С самой верхней ветки груши бесформенной гирляндой свисали какие-то иссиня-розовые нити. Тяжёлые бордовые капли медленно стекали с них...